12+

Мария Ивановна Коровина

Освобождение

Продолжение романа
А. С. Пушкина
«Дубровский»

Мария Коровина

Освобождение. Продолжение романа А. С. Пушкина «Дубровский»

«Издательские решения»

Коровина М. И.

Освобождение. Продолжение романа А. С. Пушкина «Дубровский» / М. И. Коровина — «Издательские решения»,

Прошло полгода после печального венчания. Мария Кирилловна тает от тоски в «золотой клетке» усадьбы князя Верейского. Но весть о том, что Владимир Дубровский жив и укрывается в кистенёвских лесах, рушит барьеры долга. Заручившись поддержкой верных слуг, Маша решается на ночной побег. Впереди беглецов ждут непрестанная погоня, ночные заставы, стычка у речного оврага и трудный путь к границе.

© Коровина М. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Глава I. Золотая клетка Арбатова 7
Глава II. Вести из прошлого 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Освобождение Продолжение романа А. С. Пушкина «Дубровский»

Мария Ивановна Коровина

Иллюстратор Мария Ивановна Коровина
Дизайнер обложки Мария Ивановна Коровина

© Мария Ивановна Коровина, 2026
© Мария Ивановна Коровина, иллюстрации, 2026
© Мария Ивановна Коровина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5127-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

История этой повести началась много лет назад, ещё в мои школьные годы. На уроке литературы мы проходили «Дубровского», и финал романа — с его несказанной грустью, сдержанностью и нерастраченной любовью героев — оставил в моей душе глубокий след. Нам дали творческое задание: представить и записать возможное продолжение судьбы Владимира и Маши.

Тогда, детским и искренним пером, я попыталась подарить им шанс на спасение и счастье. Прошли годы, но мысль вернуться к этой истории, дописать её зрелищно, полно и в настоящем пушкинском духе не оставляла меня.

И вот теперь, спустя время, я решила возобновить тот давний школьный замысел. Это произведение — дань уважения великому классику, детская мечта, воплощённая в жизнь, и вера в то, что настоящая любовь и верность своему сердцу способны преодолеть любые преграды.

Глава I. Золотая клетка Арбатова

Прошло более полугода со дня того печального венчания в Покровском, о котором доселе с притаённым сочувствием и ропотом вспоминали окрестные дворяне.

Арбатово, богатая и старинная вотчина князя Верейского, на первый взгляд казалось обителью безукоризненной праздности, изящества и полного благополучия. Великолепный господский дом, выстроенный в стиле английских замков, располагался на высоком холме, откуда открывался величественный вид на излучину реки, тенистые дубравы и бесконечные нивы. Сам князь, человек образованный, тонкого вкуса и европейских привычек, не жалел средств на устройство своего имения. Залы были украшены редкими картинами, изысканной французской мебелью и мраморными изваяниями; в оранжереях, вопреки суровому климату, цвели экзотические растения, а ухоженный парк манил уединёнными аллеями и узорными беседками.

Однако для молодой княгини Марии Кирилловны эта пышная обитель стала лишь золочёной и душной клеткой.

Князь Верейский был с нею неизменно учтив и предупредителен. Он осыпал супругу редкими шалями, заказными парижскими драгоценностями, заботился о её досуге и старался развлечь утончённой беседой или чтением новых французских романов. Но за этой светской полированностью не кролось ни капли той искренней, пылкой душевной теплоты, которой так жаждало чуткое сердце Маши. Верейский видел в ней прекрасное украшение своего дома, редкую драгоценность, составляющую предмет зависти соседских помещиков, но не способен был понять её тихой, глубокой печали.

Маша провела первые месяцы супружества в каком-то оцепенении. Помятуя клятву, данную перед алтарём, она пыталась смирить порывы сердца и покориться своей участи. Но одиночество давило на неё всё сильнее. Кирилл Петрович Троекуров, удовлетворив своё тщеславие пышным браком дочери, редкими наездами навещал Арбатово, гордый богатством зятя, и вовсе не замечал, как бледнеет и гаснет его любимая Маша.

Единственной утехой для молодой княгини стали долгие часы, проводимые у окна её изолированного кабинета на втором этаже, откуда виден был самый глухой, запутанный край арбатовского парка, незаметно переходивший в густой кистенёвский лес. Там, под сенью старых вязов и дубов, её мысли неизбежно уносились к человеку, чьё имя она не смела произносить вслух, но которое неизменно звучало в её душе с нежной и горькой тоской.

В один из сырых октябрьских вечеров князь Верейский отбыл в губернский город на дворянское собрание, где намечались важные выборы предводителя. Он намеревался пробыть там не менее трех дней. В доме воцарилась непривычная, глубокая тишина, нарушаемая лишь мерным стуком старинных часов в зале да шумом осеннего ветра, раскачивавшего обнажённые кроны деревьев.

Маша сидела у горящего камина. На коленях её лежал раскрытый том, но она не читала. Сумерки сгущались, затапливая комнату длинными тенями. Вдруг дверь тихо отворилась, и на пороге появился старый слуга Степан — бывший дворовый человек из Кистенёвки, кото-

рый после разорения имения и последующих нестроений каким-то образом оказался в челяди князя Верейского, исполняя обязанности псаря и смотрителя парка.

Степан вошёл осторожно, оглядываясь на пустые коридоры, и, подойдя к столику, низко поклонился.

— Ваше сиятельство, — тихо, почти шепотом проговорил старик, — не гневайтесь на старого слугу… Дозвольте молвить слово.

Маша вздрогнула и подняла на него глаза.

— Что тебе, Степан? Произошло что-нибудь?

— Век бы мне вас не тревожить, барышня Мария Кирилловна… — Степан запнулся, переходя на старое, привычное обращение, и глаза его увлажнились. — Да сердце болит смотреть, как вы сохнете в этой золотой неволе. Вчерась на станционном постоялом дворе, что у Большой дороги, встретил я человека… Из наших, кистенёвских. Он пришёл издалека и сказывал, будто Владимир Андреевич жив. Он не уехал за море, как болтали господа, а укрывается неподалёку, в нагорных лесах, и ищет о вас хотя бы какой весточки.

При имени Владимира Андреевича Маша вспыхнула, сердце её забилось часто и больно, а дыхание перехватило. Все барьеры долга и смирения, которые она возводила в своей душе полгода, рухнули в одно мгновение. Она поняла, что более не в силах нести это тяжелое бремя и жертвовать жизнью ради холодного приличия.

— Степан… — голосом, дрожащим от волнения, произнесла она. — Ты не обманываешь меня?

— На кресте готов поклясться, барышня! Владимир Андреевич помнит вас и ждёт лишь знака.

Маша быстро поднялась, подошла к секретеру и решительным движением выдвинула ящик. Рука её едва заметно дрожала, когда она обмакнула перо в чернила и на маленьком листке тонкой почтовой бумаги вывела несколько быстрых, четких строк:

«Я не могу и не хочу более носить эти цепи. Если жив тот, кто обещал мне свою защиту и кому я отдала своё сердце, пусть даст знак у старого развесистого дуба на границе арбатовских рощ завтра в полночь. Я буду ждать. М. В.»

Она запечатала записку сургучом без оттиска герба и протянула её старику.

— Степан, передай это лично. От этого письма зависит моя жизнь и моя судьба.

Старик бережно принял записку, спрятал её за пазуху и поклонился до самой земли:

— Не сумневайтесь, барышня. Будет исполнено в точности. Доверьтесь старому Степану.

Он так же бесшумно исчез за дверью.

Маша подошла к окну. Всходившая луна пробивалась сквозь рваные осенние тучи, освещая темную степь и дальнюю черту леса. Впервые за долгие месяцы на её губах появилась слабая, но твёрдая улыбка, а в душе загорелся огонь надежды и решимости.

Глава II. Вести из прошлого

В тридцати верстах от Арбатова, в самом глухом углу нагорных кистенёвских лесов, где вековые сосны и дубы сплетались кронами, образуя почти непроницаемый навес, укрывался среди оврагов небольшой бревенчатый скит. Когда-то в нём жил отшельник-раскольник, но ныне это пристанище служило тайным укрытием для Владимира Дубровского и двух его самых преданных людей — кузнеца Архипа и бывшего дворового Гришки.

После того как распущенная шайка разбойников рассеялась по губернии, Дубровский вопреки слухам вовсе не уехал за границу. Глухая, томящая тоска по Марии Кирилловне и нежелание навсегда покидать родную землю приковали его к этим мрачным чащобам. Он жил под именем отставного поручика Линева, избегал всякого общества и питался тем, что изредка и с величайшей предосторожностью доставляли ему верные кистенёвские крестьяне, свято хранившие тайну своего молодого барина.

Дни Владимира тянулись с удручающим единообразием. Он много читавал, бродил с ружьём по осеннему лесу или часами просиживал у узкого оконца, глядя на пролетающие низкие тучи. Весть о свадьбе Маши с князем Верейским едва не сломила его окончательно. Он считал свою жизнь конченной, а себя — человеком, у которого отняли последнее земное упование.

Был поздний осенний вечер. В избушке трещала лучина, распространяя вокруг смолистый дух. На бревенчатом столе стоял глиняный кувшин, лежали сухари да старая карта губернии. Архип в углу наточил топор и правилом заправлял охотничий нож, а Гришка чистил кремневые пистолеты, мерно подсыпая порох на полки.

Владимир сидел у стола, подперев голову руками. Мысли его, как и всегда в этот вечерний час, витали вокруг Покровского и Арбатова.

Вдруг снаружи, сквозь гул осеннего ветра, шумевшего в вершинах сосен, раздался осторожный, условный стук в оконницу — три коротких удара и один длинный.

Архип мгновенно отложил топор и поднялся с лавки, а Гришка бесшумно звёл курок пистолета.

— Кто там в такую рань ночную? — сурово и отрывисто спросил кузнец через тяжёлую дубовую дверь.

— Свои, Архип… — отозвался из-за двери запыхавшийся, охрипший от бега голос. — Степан я, из Арбатова… От барышни!

Владимир вскочил с места так порывисто, что тяжелая скамья с грохотом опрокинулась на пол.

— Отпирай! Отпирай скорее! — воскликнул он, перешагивая через скамью.

Тяжёлый засов отодвинулся, и на пороге появился тяжело дышащий Степан. Плащ его был порван о терновник, сапоги вымазаны лесной грязью — старик шёл прямиком через

бурелом, избегая проезжих трактов и застав. Не говоря ни слова, он пал перед Владимиром на колени и протянул ему небольшой сложенный листок, запечатанный белым сургучом без оттиска герба.

— От Марии Кирилловны… — вымолвил Степан, переводя дух. — Едва дождался часа, как князь отбыл в город, чтобы вырваться из имения.

Руки Дубровского задрожали, когда он брал листок. Поднесши его к самому огню лучины, он быстро пробежал глазами знакомый, изящный почерк, написанный торопливой, но решительной рукой:

«Я не могу и не хочу более носить эти цепи. Если жив тот, кто обещал мне свою защиту и кому я отдала своё сердце, пусть даст знак у старого развесистого дуба на границе арбатовских рощ завтра в полночь. Я буду ждать. М. В.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.